

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

А.Г. Кузьмин

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1618 Г.

В ДВУХ КНИГАХ

КНИГА ПЕРВАЯ

Под общей редакцией доктора исторических наук, профессора

А. Ф. Киселева

Рекомендовано Министерством образования Российской Федерации

в качестве учебника для студентов высших учебных заведений Москва

ББК 63.3(2) я 73 К89

ПРОДОЛЖЕНИЕ

§ 5. ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКАЯ РУСЬ В XII -НАЧАЛЕ XIII в.*

Основным источником по истории Галицко-Волынской земли XII — первой половины XIII в. является южнорусский летописный свод конца XIII в., дошедший до нас в нескольких списках и получивший название *Ипатьевской летописи* по приписке, написанной А.С. Коровым.

266

надлежности старшего списка (конец 10-х — начало 20-х гг. XV в.) Костромскому Ипатьевскому монастырю. Свод является компиляцией двух памятников: «*Киевского свода*» 1198 г.

(от «Повести временных лет», которой открывается текст Ипатьевской летописи, и до конца XII в.) и галицко-волынское историческое повествования

(*Галицко-Волынской летописи*),

начинающегося с посмертной похвалы галицкому князю Роману Мстиславичу, погибшему в 1205 г., и доходящего до конца XIII в. (последние известия помещены под 1292 г.).

В свою очередь, «Киевский свод» 1198 г., созданный в Михайловском Выдубицком монастыре и имевший целью прославить деятельность великого князя киевского Рюрика Ростиславича, достаточно сложен по своему составу. Кроме предшествующей киевской летописи, основного источника, автор «Киевского свода» использовал какую-то семейную хронику князей Роста -славичей (братьев Рюрика), черниговскую летопись князя Игоря Святославича, героя «Слова о полку Игореве», переяславский летописец князя Владимира Глебовича (умер в 1187 г.). Имеются в «Киевском своде» и вставки из галицко-волынское летописания.

Последняя часть Ипатьевской летописи — Галицко-Во-лынская летопись — представляла собой историческое повествование без обычной для других политических центров Руси летописной сети годов. Вероятно, летописец-сводчик конца XIII в. расставил даты в свободный исторический рассказ, но сделал это неверно, причем ошибки достигают иногда 4 лет. Следует учитывать и то, что хотя галицко-волынское историческое повествование по истории XIII в. и представляет собой связный рассказ, оно также основано на нескольких источниках. Исследователи текста Галицко-Волынской летописи, учитывая ее специфику, предположительно выделяют в ее составе летописи и летописные своды, повести и сказания. На заключительную часть «Галицко-Волынской летописи» оказали влияние пинские летописные записи последних десятилетий XIII в.

При составлении свода конца XIII в. автор-летописец привлек еще один летописный источник (предположительно, *ростово-суздальского происхождения*), содержащий в себе известия по истории Северо-Восточной Руси, материалы из которого дополнили главным образом «Киевский свод», хотя ряд известий встречается и в части, повествующей о XIII в.

Информацию по истории Галицко-Волынской земли можно почерпнуть и из других русских летописей (Лаврентьевской, Воскресенской, Никоновской и др.). Однако их создателей интересовала прежде всего история северо-восточных, а не южнорусских земель. Их сведения в основном относятся к XII в. В сравнении с Ипатьевской летописью в изучении истории Галицко-Волынской земли они, бесспорно, играют вспомогательную роль. Оригинальные известия содержатся в «Истории Российской» В.Н. Татищева, имевшем, как известно, в своем распоряжении не дошедшие до нас летописи. Яркие, в форме обращения, характеристики князей Галицкой и Волынской земель Ярослава Осмомысла и Романа Мстиславича содержатся в знаменитом «Слове о полку Игореве».

Интересные сведения о Галицко-Волынской земле имеются и в иностранных источниках (особенно в польских и венгерских). В качестве примера можно привести информацию о все том же, поразившем современников, галицком князе Романе Мстиславиче в польских латиноязычных источниках XII—XIII вв.: «Хронике» магистра Винцентия Кадлубка (ок. 1160—1223) и «Рочнике Краковского капитула». Но особенно богато иностранными источниками время правления в Галицко-Волынской земле знаменитого сына князя Романа Мстиславича — Даниила, что объясняется усиленным сближением Даниила Романовича с Западом. Достаточно полный перечень западных источников по истории русских земель XII—XIII вв. приводится в монографии В.Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» (М., 1968).

* * *

Период конца XII — первой половины XIII в. истории *Галицко-Волынской Руси* неизменно привлекает внимание историков и вызывает между ними споры. Действительно, по подсчетам А.А. Горского, с 1199 по 1240 гг. Галичем владели: Изя-славичи около 12,5 лет, Ольговичи — 10, Ростиславичи — 9 лет. Ни одна ветвь Ярославичей не могла окончательно утвердиться в городе, а все многочисленные галицкие боярские фамилии — Арбузовичи, Молибоговичи, Домажеричи, Кормиличичи и т.д. — приглашали и изгоняли князей, разбирали себе земли в управление, раздавали своим сторонникам владения и доходные промыслы, унижали князей, могли на пиру выплеснуть князю в лицо вино, явиться на встречу с ним в одной рубахе,

разлучали детей с родителями, ссорили родственников, вели сложные международные интриги, наконец, вешали князей и даже пытались вовсе обойтись без них. Бояре имели замки, свой административный аппарат, располагали военными силами, были очень богаты. Поляки называли их на восточный манер «сатрапами», венгры — «баронами». В.О. Ключевский был, видимо, прав, когда писал, что галицкое боярство стремилось поставить местного князя в такое положение, «чтобы он только княжил, а не правил, отдав действительное управление страной в руки бояр».

Разумеется, Галич, в этом отношении, не представлял из себя чего-то необычного. В большинстве русских княжеств домонгольской Руси городские общины стремились подчинить себе или ограничить княжескую власть. Известны и города-государства, вроде Новгорода Великого. *Однако в Галиче раньше, чем в Новгороде, боярство сумело подмять вече, и ни в одном княжестве борьба боярства за власть не принимала характер полнейшей анархии, когда бояре были готовы принести интересы города в жертву собственным интересам.*

взаимоотношений

Иначе говоря, проблема

«Власти» и «Зем

ли»

была в Галицко-Волынской Руси довольно сложной, и противоречия существовали не только

между

«Властью» и «Землей», но и

внутри

самой «Земли», причем эти противоречия носили зачастую уже

социальный

характер.

Предположений о причинах усиления галицкого боярства и о появлении подобного группового эгоизма высказывалось множество. Н.И. Костомаров, И.Д. Беляев, В.О. Ключевский и др. видели причины полувековой нестабильности в Галиче в борьбе многочисленных боярских партий за власть. При этом В.О. Ключевский был убежден, что полного единства интересов между боярами и простыми галичанами не было, бояре были сильны не землевладением, а теми должностями, которые они имели и которые позволяли им получать города и волости для «корма». «Значит, — писал В.О. Ключевский, — они боролись с князем, будучи представителями интересов народа, и хотели править народом, не держа в руках нитей народного труда». Н.П. Дашкевич был также убежден, что галицкие бояре были страшно далеки от народа, однако эта удаленность, по его мнению, заставляла их действовать весьма сплоченно. Даже деление бояр на постоянные партии исследователь отрицал, видя причину нестабильности в Галиче в коллективном и бессознательном эгоизме сплоченного и борющегося за полное господство над Галичем боярского «общественного класса». В советское время подобная оценка галицкого боярства стала весьма распространенной. Правда, были здесь и определенные отличия. *Дореволюционные историки видели силу*

бояр не в землевладении, а в занимаемых должностях.

Бояр они считали потомками осевших на Волыни княжеских дружинников, укрепивших свой статус и сумевших передать его своим потомкам в период относительной стабильности на Волыни — во время правления Владимирка Володарьевича и Ярослава Осмомысла.

Советские историки видели в боярах прежде всего крупных землевладельцев, сильных своей властью над зависимыми от них крестьянами.

К.А. Софроненко, написавшая книгу, посвященную общественно-политическому строю Галицко-Волынского княжества, видела силу галицких бояр в том, что они происходили из родоплеменной знати и «стали крупными землевладельцами помимо пожалований князя», и хотя среди них были и осевшие на землю дружинники, особенность Галича была в том, что там «развитие крупного боярского землевладения опережало процесс образования княжеского домена». Правда, далеко не всем боярство Галича представлялось таким застывшим в родовых предрассудках. По мнению В.Т. Пашуто, также видевшего в боярах Галича крупных землевладельцев, галицкое боярство все же прошло определенное становление: до XII в. предки галицких бояр были дружинниками князя («княжими мужами»), в XII в. Они уже — «мужи галицкие», а с XIII в. — «бояре галицкие». Различия во взглядах К.А. Софроненко и В.Т. Пашуто объясняются тем, что в советской историографии не был решен вопрос о том, из чего вырастает на Руси феодализм — из боярского или из княжеского землевладения. Особое мнение о галицких боярах имеется у И.Я. Фроянова и А.Ю. Дворниченко. Согласно их концепции, галицкие бояре не являлись крупными землевладельцами, а были держателями доходов от кормлений. Поэтому следует говорить об их всесии, и о полном подчинении ими простого народа. Бояре выражали интересы городской общины Галича, в которой шла борьба партий, а бояре в этой борьбе выражали интересы той или другой части горожан.

Ни одно из вышеперечисленных построений ученых не является неверным, но *каждое из них абсолютизирует какую-то одну из сторон галицкой жизни XII — XIII вв.*

Разумеется, истоки боярского самовластия не следует искать в том, что боярское феодальное землевладение в Галиче зародилось раньше княжеского. Чем тогда Галич отличается от соседнего Владимира Волынского, даже еще более древнего? Да и нельзя считать всех галицких бояр потомками родоплеменной знати или старших дружинников. Известно, что крупный боярин XIII в. Доброслав был сыном «судьи» и «внук попов», в одно время с ним упоминаются некие Лазарь Домажирец и Ивор Молибожич — «два беззаконника от племени смердя», как о них пишет летопись.

Сам количественный состав бояр свидетельствует об их неоднородном составе. Бояр было очень много. Например, князя Игоревичи перебили разом до 500 человек бояр. И это при условии, что лет за десять до них не менее масштабные репрессии против них провел Роман Мстиславич. Не следует, конечно, отрицать роль земельных владений в обеспечении положения галицкого боярства, особенно для конца XII — начала XIII в., но

и преуменьшать интерес бояр к доходам от занимаемых должностей в системе самоуправления также не стоит.

О том, что самоуправство бояр вовсе не связано с тем, какое землевладение княжеское или боярское, зародилось раньше, видно хотя бы из того, что отношение галицких бояр к князьям не оставалось неизменным. Так, после смерти Владимирка Во-лодарьевича авторитет княжеской власти в Галиче был настолько высок, что, когда в 1153 г. киевский князь Изяслав Мстиславич попытался отобрать у Ярослава Владимировича часть владений, бояре, выступив против киевских полков, сказали Ярославу: «Ты, князь, молод, отъезжай прочь и смотри на нас; отец твой нас кормил и любил, так мы хотим за честь твоего отца и за твою сложить свои головы — ты у нас один; если с тобой что случится то, что нам тогда делать? Так ступай-ка, князь, к городу, а мы станем биться с Изяславом, кто из нас останется жив, тот прибежит к тебе и затворится с тобой в городе». Личная жизнь Ярослава Осмомысла и Владимира Ярославича подорвали к ним уважение народа, что и привело к вмешательству бояр и в их личную жизнь, и в порядок престолонаследия. А после смерти сына Осмомысла, когда началась борьба за Галич и у бояр появился богатый выбор претендентов, авторитет княжеской власти пал так низко, что князей даже начали вешать.

Бояре, несомненно, делились на партии, существование которых чувствуется при каждой смене князей на галицком столе, и опирались в своих интригах на городскую общину. Вече в Галиче собиралось и в начале XIII в., в частности в 1231 г. Однако несомненно и то, что бояре ловко манипулировали общественным мнением, а в начале XIII в., когда они могли привлекать к решению стоявших перед ними задач иностранных правителей, галицкое боярство перестало с этим мнением считаться, и между ними и простыми галичанами выросла стена непонимания, которая и позволила Даниилу Романовичу в конце концов утвердиться на галицком столе именно при поддержке простых галичан.

В летописи содержится яркий рассказ о том, как в 1239 г.

Даниил подошел к стенам Галича и обратился к его жителям: «Люди городские, до каких пор хотите терпеть державу иноплеменных князей?» Те закричали в ответ: «Вот наш держатель Богом данный!» — и пустились к Даниилу, по выражению летописца, как дети к отцу, как пчелы к матке, как жаждущие воды к источнику. При этом мнение бояр явно отличалось от настроений простых горожан. Таким образом, следует признать, что в отношениях «Земли» и «Власти» сама «Земля» в Галицко-Волынском княжестве уже не выступала как однородная сила.

В то же время именно мнение простых горожан и галицкого вече оказывалось решающим в самых

кардинальных случаях.

И это мнение всегда было направлено к одной цели — обеспечение стабильности и спокойной жизни.

* * *

Ко времени вступления на киевский стол Владимира Всеволодовича Мономаха (1113 г.) Волынь оставалась разделенной на несколько княжеств. Во *Владимире Волынском* сидел

Ярослав,

сын покойного киевского князя Святополка Изяславича, в

Пе-ремышле

и

Теребовле

правили

Володарь

и

Василько Ростисла-вичи,

внуки старшего сына Ярослава Мудрого Владимира. На всех этих князьях киевский князь имел влияние: Ярослав Свято-полкович был женат на внучке Владимира Всеволодовича, дочери его сына Мстислава, правившего в Новгороде, а сын Мономаха Роман женился на дочери князя перемышльского Воло-даря Ростиславича, князя державшего в постоянном напряжении и Волынь, и Польшу. То, что Волынь была ему подконтрольна, Владимир Мономах продемонстрировал в 1117 г., когда Ярослав Святополкович попытался развестись с его внучкой. Ответом был поход Мономаха и Ростиславичей на Владимир Волынский. Ярослав бежал в Венгрию, а оттуда — в Польшу. Мономах посадил во Владимире сына Романа, а после его скоростижной смерти в 1119 г, другого сына — Андрея. Что же касается Ярослава Святополковича, то он еще несколько лет пытался при помощи поляков, венгров и чехов отвоевать Волынь, но в 1123 г. во время осады Владимира был убит своими же польскими наемниками.

В период с 1119 по 1170 г. Владимир Волынский занимали князья, каждый из которых рассматривал этот город в качестве удобной стартовой площадки для перехода на более престижный, как им казалось, стол. *Андрей Владимирович* в 1136 г. перебрался в Переяславль, поближе к Киеву. На Волыни оказался один из младших Мономашичей,

Автор: pavel
23.02.2020 11:00 -

внук Владимира Всеволодовича —

Изяслав Мстиславич.

Последний, как и его предшественник, не держался за владимирский стол. Он вошел в сложные интриги, целью которых был тот же вожделенный киевский стол. В 1146 г. Изяславу Мстиславичу удалось осуществить свое желание — по соглашению с киевлянами он занял великое княжение. На Волыни же утвердился младший брат Изяслава

Свято-полк.

После занятия Изяславом Мстиславичем Киева начались княжеские усобицы, продолжавшиеся до его смерти в 1154 г. Все эти годы Волынь была для Изяслава базой, откуда он получал помощь и куда возвращался после очередной неудачи. Свято-полк Мстиславич каждый раз безропотно уступал брату его место. По существу, Изяслав, находясь и в Переяславле, и в Киеве, оставался волынским князем.

Но в ходе этой междукняжеской войны Волынь разделилась. Владимир Волынский поддерживал Изяслава Мстиславича, владения потомков Ростислава Владимировича стояли за его врагов. Но вообще, гораздо больше братьев Ростиславичей занимали их отношения с Польшей, Чехией и Венгрией. В 1124 г. Володарь и Василько умерли, после Володаря осталось два сына — *Ростислав*, получивший Перемышль, и *Владимирко*, ставший князем в незначительном волынском городке Звенигороде;

Григорий

и

Иван,

сыновья Василька, поделили между собой Теробовль. В 1127 г. Владимирко, призвав на помощь венгров, попытался выгнать старшего брата Ростислава из Перемышля, но Ростиславу помогли двоюродные братья Васильковичи и великий князь киевский Мстислав Владимирович. Энергичный звенигородский князь вынужден был отступить. К 1141 г. умерли и Ростислав, и последний из Васильковичей, не имевший наследников. Владимирко взял себе обе волости (Перемышль-скую и Теробовльскую), не поделившись с племянником Иваном Ростиславичем, которому дал на прокорм, но не в самостоятельное княжение свой бывший город Звенигород. Иван пытался отвоевать у дяди земли своего отца, поднимал против Владимирка постоянные мятежи, пока не лишился всех своих владений. В итоге

Иван Ростиславич стал первым в истории России служилым князем,

обретавшимся при дворах русских владетельных князей, а в трудные времена занимался и разбоем. В историю Иван вошел под прозвищем

Берладник.

Молдавский город Берлад был предшественником позднейшей казачьей вольницы, местом, куда стекались удальцы из разных мест Европы. Здесь неудачники, подобные Ивану Ростиславичу, находили убежище и дружину.

Столицей своего, теперь уже значительного, княжества Владимирко сделал город *Гали*

ч,
впервые упомянутый в летописях под 1141 г. Так на Больше появились два княжества — Владимиро-Волыньское и Галицкое. Объединенное *Галицкое княжество* стало серьезной политической силой, весьма влиятельной на Руси, с довольно сложными международными отношениями. Галицкий князь Владимирко Володаревич постоянно воевал, мирил и ссорил князей, каждый раз что-то выигрывая, увеличивая свои владения. В случае неудачи он не брезговал и грабежом, и вымогательством. В междукняжеских усобицах Владимирко был самым деятельным союзником Юрия Владимировича Долгорукого. Союз этот был скреплен браком — сын Владимирка Ярослав женился на дочери суздальского князя. Близость к западным границам позволяла галицкому князю получать помощь из Венгрии, что особенно было важно для Юрия Долгорукого. Сам Владимирко был женат на венгерской княжне.

После смерти Владимирка в 1152 г. новым галицким князем стал сын Владимирка Ярослав. Признав над собой власть киевского князя, новый правитель Галича продолжал политику Владимирка, доставляя киевскому князю Изяславу Мстиславичу массу неприятностей и стремясь удержать за собой приобретения отца.

Ярослав Владимирович (ок. 1130—1187) стал единовластным князем богатой и цветущей земли. Его величие потрясало современников и нашло свое отражение в «Слове о полку Игореве», в котором он назван *«Осмомыслом»*. Автор «Слова» считал Ярослава Осмомысла одним из могущественнейших князей на Руси, «подпирающим» своими железными полками Венгерские горы, «затворяющим» ворота Дунаю и «отворяющим» ворота Киеву.

Но княжение Ярослава Владимировича было беспокойным, полным бесконечных «крамол». Во многом это было связано с тем, что ему *не удалось наладить контакты с «Землей»*. А жители княжества, сначала возлюбившие князя как сына Владимирко, в скором времени воспылали к нему ненавистью из-за его неразборчивой личной жизни. Не мог Ярослав положиться и на бояр, которые неоднократно подводили его, нередко не являлись со своими силами к князю по его требованию, уходили из похода. В борьбу с Ярославом включился и Иван Берладник, изгнанный к тому времени из всех княжеств. Во главе половцев и 6000 «берладников» Иван вошел в Галицкую землю, где простые люди были готовы поддержать его. Понимая это, Иван не разрешал своему войску заниматься грабежами, из-за чего и рассорился со своим воинством — и половцы и «берладники» покинули своего предводителя. В 1161 г. Берладник был отравлен на чужбине, в Фессалониках.

Но спокойная жизнь Ярослава была непродолжительна. Ярослав плохо жил со своей женой Ольгой, дочерью Юрия Долгорукого, держал любовницу, какую-то Настасью. В 1173 г., устав от унижений, Ольга ушла из Галича в Польшу с сыном Владимиром и многими боярами. Владимир Ярославич, человек уже взрослый, злился на отца за то, что тот приблизил к себе сына от Настасьи — Олега. Видимо с Ольгой и Владимиром ушли не все их сторонники. Через восемь месяцев в Галиче началось восстание. По решению вече Настасью сожгли на костре, сына ее послали в заточение, а с Ярослава взяли клятву, что он будет жить с княгиней как полагается. Все последующее княжение Ярослава прошло в столкновениях с боярами и в ссорах с сыном Владимиром, постоянно поднимавшим против отца мятежи. И хотя в отношениях с другими русскими землями и с западными соседями слово галицкого князя по-прежнему было весомым, внутри княжества его положение оставалось шатким вплоть до смерти в 1187 г.

Умирая, Ярослав собирался оставить Галич Олегу, сыну от Настасьи, а старшему, Владимиру, дать Перемышль, в чем взял с Владимира клятву. Но после смерти Ярослава в Галицкой земле поднялся мятеж, Владимир и бояре нарушили клятву и выгнали Олега из Галича, а *Владимир Ярославич* (ум. 1197 г.) сел на галицком столе. И вновь отношения «Власти» и «Земли» не сложились. Жители княжества скоро поняли, что ошиблись в выборе: Владимир в нравственном отношении был еще хуже отца. В летописи Владимиру предъявляются серьезные претензии именно как к недостойному правителю. По словам летописца, резко осуждавшего Владимира, князь любил только пьянствовать, а делами управления не занимался вовсе, не советовался с боярами, прогнал свою жену, родом из черниговских князей, отнял жену у священника и прижил с ней двоих сыновей. Мало того, если нравилась ему чья-нибудь жена или дочь, он брал ее силой. В очередной раз разлад между «Властью» и «Землей» привел к смуте: галичане, знатные и незнатные, затаили на Владимира злость, чем поспешили воспользоваться соседи, прежде всего владимирово-волинский князь.

Во Владимире Волинском все эти годы жизнь также не стояла на месте. После смерти в Киеве в 1154 г. Изяслава Мстиславича городом овладел его брат Владимир. Сыновья Изяслава — Ярослав и Мстислав получили соответственно Луцк и Пере-сопницу. В 1156 г. Мстислав Изяславич, который был старше Владимира Мстиславича годами, выгнал дядю из Владимира Волинского и сел на этом столе. Впрочем, как и его отец, он рассматривал Воынь лишь в качестве ступени на пути к Киеву. В 1167 г. Мстислав Изяславич выгнал из Киева Изяслава Давы-довича и стал князем киевским. Но удержаться в Киеве ему не удалось — в 1169 г. он был изгнан во Владимир Волинский коалицией из 11 князей. Мстислав попытался вернуть Киев, но неудачно, а в 1171 г. он скончался.

Брат Мстислава *Ярослав Изяславич Луцкий* отказался занимать Владимир Волинский,

предпочитая ему свой более скромный, но и более спокойный удел, который и перешел к его потомкам. Так из Волынского княжества выделилось

Луцкое княжество.

Во Владимире Волынском сел сын Мстислава Изяславича Святослав, а после его смерти в 1173 г. — следующий Мстиславич — Роман.

Летописцы характеризуют *Романа Мстиславича* (1155—1205) как деятельного и предприимчивого князя. Роман Мстиславич считался другом вступившего в 1187 г. на галицкий стол Владимира Ярославича. Вскоре, однако, выяснилось, что Роман проводил гораздо более тонкую политику. Вступив в союз с галицкими боярами, он стал побуждать их выгнать Владимира, а на его место предлагал себя. В 1188 г. галицкие бояре собрали полки и, угрожая мятежом, заставили Владимира покинуть Галич. Владимир забрал много золота и серебра, свою попадью, двоих сыновей, дружину и поехал в Венгрию.

Роман Мстиславич занял Галич, а во Владимире Волынском стал княжить его младший брат Всеволод, который до того владел Бельзом. Однако Владимир Ярославич, поддержанный венгерским королем Бела и венгерскими полками, начал войну и осадил Галич. Роман, не имевший достаточных сил и видевший неустойчивость горожан, захватив остаток княжеской казны, бежал назад на Волынь. Но и Владимир не получил Галича, потому что Бела, разобравшись на месте в ситуации, посадил в Галиче на княжение своего сына Андрея, а Владимира вернул в Венгрию, отнял у него все богатство и посадил под арест.

Попавшие под власть венгров жители Галича, скоро почувствовали все прелести иноземного правления. Многие захотели вернуть Романа, но он не имел достаточных сил для борьбы с венграми. Самые отчаянные предлагали пригласить в князья сына Ивана Берладника Ростислава, подобно отцу ставшего служилым князем. Отчаянная попытка Ростислава Ивановича овладеть Галичем не удалась и прежде всего потому, что далеко не все хотели видеть его своим князем. В неравной битве возле города, обманутый обещаниями непостоянных галицких бояр, князь потерпел поражение, был захвачен венграми в плен и отравлен ими. Притеснения венгров в Галиче стали невыносимыми: они отнимали у мужей жен и дочерей, брали их себе в наложницы, начали ставить лошадей в церквях и избах. После этого даже те, кто поначалу относились к венграм с симпатией, возненавидели иноземцев. Многие начали раскаиваться, что прогнали Владимира Ярославича.

Между тем в 1190 г. Владимиру удалось убежать из венгерской неволи к германскому

императору Фридриху Барбароссе. Владимир обещал императору давать ежегодно по две тысячи гривен серебра, и Фридрих отправил его к польскому князю Казимиру с приказом, чтоб тот помог ему вернуть галицкий стол. Когда в Галиче узнали о приближении Владимира Ярославича с польским войском, то все в княжестве перешли на его сторону, а венгерского королевича прогнали. В итоге Владимир утвердился в Галиче и, желая обеспечить себе в дальнейшем спокойное правление, добровольно признал себя вассалом Всеволода Юрьевича Большое Гнездо. Всеволод отправил послов к русским князьям и в Польшу и взял со всех присягу не искать Галича под его племянником. Владимир княжил в Галиче до своей смерти в 1198 г.

После его смерти галицкий стол остался без наследников: сыновья Владимира умерли еще до него. В Галиче образовались две партии: одна выступала за приглашение венгерского королевича, другая — за волынского князя Романа Мстиславича. К тому времени Роман Мстиславич был занят междоусобными войнами в Польше и с киевским князем Рюриком Ростиславичем. Немалую роль в ссоре Романа и Рюрика сыграл князь владими́ро-сузда́льский Всеволод Большое Гнездо, которому внушал опасения союз этих двух сильнейших князей Южной Руси. Но война с Рюриком закончилась неудачей, после чего князья помирились. Поэтому, получив помощь из Польши, Роман Мстиславич вновь овладел Галичем. Видя, что не все галицкие бояре ему рады, новый князь устроил в городе резню. Неудобных Роману людей зарывали живьем в землю, четвертовали, сдирали с живых кожу, расстреливали, наконец, просто грабили. Многие бояре убежали в другие русские земли. Роман возвратил их обещанием всяких милостей, но скоро под разными предлогами подверг той же страшной участи. Оставшиеся в живых бояре временно притихли.

Объединив в своих руках огромные владения, Роман начал новую войну с Рюриком Ростиславичем. В 1201 г. во главе галицко-волынского войска он захватил Киев, выгнал из него Рюрика Ростиславича, а на его место посадил своего двоюродного брата князя луцкого Ингоря Ярославича. Спустя некоторое время, в 1202 г., Рюрик сумел помириться с Романом и вновь стал киевским князем. Однако примирение было временным. В 1203 г. они вместе ходили на половцев, поссорились из-за добычи, Роман захватил в плен Рюрика, его жену и дочь (свою бывшую жену) и всех троих постриг в монахи. В руках у него оказались и Киев, и Галич, и Владимир-Волынский. Роман стал самым могущественным князем Киевской Руси. Летописцы даже называют его «самодержцем».

Именно в 1203 г. Роман Мстиславич попытался собрать в Киеве съезд князей, обратившись к ним со словами, сохраненными в «Истории Российской» В.Н. Татищева (см. §2 в данной главе). Впрочем, сам Роман *не претендовал на великое княжение*, признавая «старейшество» за Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо. Именно отказ Всеволода Юрьевича приехать в Киев сыграл решающую роль в неудаче всей

инициативы Романа по созыву съезда — другие князья тоже не приехали. Самого же Романа разоренный Киев, потерявший к тому времени свой авторитет главного общерусского центра, уже не привлекал. Он покинул город, оставив в Киеве на княжении все того же Ингоря Ярославича.

Тем не менее Роман оставался самым сильным князем в Южной Руси. Он много воевал — с половцами, литовцами, ятвягами. Пользовался огромным авторитетом в Польше и Венгрии. Имя Романа стало известно в Европе. Византийский император Алексей Комнин просил у него помощи в войне против половцев, которые, опустошая Фракию, добрались до

Константинополя. Роман в помощи не отказал. Папа Иннокентий III предлагал Роману принять католическую веру, обещая ему награды и королевский титул. Но Роман Мстиславич отверг предложение папы.

В памяти народа Роман остался идеальным князем. Летописцы одаривают его самыми лестными эпитетами, с восторгом сравнивают со львом, рысью, крокодилем, орлом и туром. Особо выделяет его и «Слово о полку Игореве». Подобные характеристики, видимо, не случайны. В отличие от своих предшественников на галицком столе, *Роману Мстиславичу удалось в своем княжестве наладить отношения с «Землей».*

С опорой на галицкое вече Роман стремился решать и внутренние конфликты. Именно поддержка вече помогла ему сломить боярскую оппозицию и прекратить, пусть и на время, княжеские усобицы.

Но в 1205 г. Роман погиб в войне с польским князем Лешко Краковским. В.Т. Пашуто видит причину столкновения Романа с Лешко не в земельных претензиях галицко-волинского князя на город Люблин, а в том, что он вмешался в шедшую тогда в Европе войну вельфов с Гогенштауфенами и, поддерживая последних, начал войну с краковским князем, который был союзником вельфов. Целью же похода Романа в 1205 г., в случае успеха в Польше, была Саксония.

От второго брака у Романа осталось двое сыновей: *Даниил* четырех лет и двухлетний *Василько*.

Ожившая боярская оппозиция не захотела оставлять на галицком столе детей. К тому же Рюрик Ростиславич, как только узнал о смерти Романа, тотчас скинул монашескую рясу и объявил себя князем киевским. В 1205 г. состоялся первый поход Рюрика на

Автор: pavel
23.02.2020 11:00 -

Галич, но город не сдался. В 1206 г. объединенное киевское и черниговское войско в союзе с краковским князем Лешко и половцами вновь подошло к Галичу. В городе начался мятеж, и семья Романа вынуждена была бежать во Владимир Волынский. На галицком столе при поддержке бояр оказался

Владимир Игоревич

из рода черниговских князей, сын героя «Слова о полку Игореве». Впрочем, новый князь не был совсем чужим жителям Галича — его матерью была дочь Ярослава Осмомысла Ефросинья (знаменитая Ярославна из «Слова о полку Игореве»). Брат Владимира

Роман Игоревич

утвердился в Звенигороде, а другой брат,

Святослав,

занял Владимир Волынский. Семья же покойного Романа Мстиславича бежала в Польшу.

Период истории Галицко-Волынской земли от смерти Романа и изгнания Романовичей до нашествия монголо-татар наполнен постоянными войнами князей и боярскими «крамолами». Уже в 1207 г. Игоревичи поссорились между собой и начали усобицу, в которую втянули венгров. При помощи последних Роман Игоревич выгнал из Галича брата Владимира (1208). Между тем польские войска выгнали из Владимира Волынского Святослава Игоревича, а на его месте князь Лешко посадил своего дядю по матери, племянника Романа Мстиславича, князя бельзского Александра Всеволодовича. При этом поляки разграбили город, а Святослава Игоревича взяли в плен и отвели в Польшу.

В одном из случаев междоусобной войны мы вновь видим инициативу «Земли», которая стремилась уберечь себя в княжеских бранях и искала мирного решения спорных вопросов. Жители Берестья, небольшого города на Волыни, упростили Лешко дать им в правители Даниила и Василька Романовичей. Польский князь, желая, чтобы Романовичи не нарушали установленный им на Волыни порядок, не только согласился, но и убедил Александра Всеволодовича дать двоюродным братьям еще и Бельз. В обмен польский князь передал ему несколько польских городов.

В 1210 г. усобицы в Галиче продолжились, и снова в них немалое значение принадлежало «Земле». Киевский князь Рюрик Ростиславич, по соглашению с венграми и галицкими боярами, согнал с галицкого стола Романа Игоревича и посадил на его место сына своего Ростислава, но скоро галичане выгнали Ростислава и опять приняли Романа. В ответ венгерский король Андрей, поддержанный провенгерской партией в самом Галиче, практически без сопротивления занял город, оставив в нем своего наместника. Роман Игоревич попал в плен. Однако, как и во время первого захвата Галича, венгры начали издеваться и над боярами, и над простыми жителями. Горожане обратились за помощью к Мстиславу Немому, князю пересопницкому, но тот привел с

собой недостаточно сильную дружину, чтобы изгнать иноземцев. Тогда галицкие бояре обратились опять к Игоревичам. Владимир и Роман, которому удалось бежать из венгерского плена, явились на зов с сильной ратью, выгнали венгров и сели: Владимир — в самом Галиче, Роман — в Звенигороде, а Святослав, выкупившийся из польского плена, — в Перемыш-ле, сыну своему Изяславу Владимир дал Теробовль. Однако брожение среди галицких бояр не прекратилось, и тогда Игоревичи решили действовать по примеру Романа Мстиславича. Они велели своим дружинникам убивать и грабить галицких бояр: 500 человек из них погибло, а другие разбежались. Трое из них — Владислав, Судислав и Филипп — отправились в Венгрию. Беглецы уговорили Андрея дать им войско, обещая посадить в Галиче изгнанного ими когда-то Даниила Романовича. К войску этому присоединились полки из Бельза от Василька Романовича, помощь послал и Лешко Краковский, пришли волынские князья — Мстислав Немой из Пересопницы, Александр Всеволодович с братом Всеволодом из Владимира Волынского, а луц-кий князь Ингварь Ярославич прислал свои полки. С такими силами в 1211 г. Даниил Романович занял Галицкую землю. Владимир Игоревич с сыном Изяславом чудом спаслись, а остальных попавших в плен Игоревичей галицкие бояре повесили. Последнее было делом небывалым, ни разу еще на Руси жители княжества не приговаривали к смерти своих князей.

Посадив на княжение малолетнего Даниила, галицкие бояре взяли власть в свои руки и даже выгнали из Галича мать князя, чтобы она не мешала им править от имени ее сына. Летопись сообщает, что маленький князь плакал и не хотел ее отпускать, но сделать ничего не мог. Изгнанная княгиня отправилась к венгерскому королю Андрею, силами которого бояре, кстати, и посадили на княжение Даниила, и нажаловалась ему на их самоуправство. Король с войсками явился в Галич и, арестовав некоторых наиболее активных бояр, в том числе и Владислава, добил-ся воссоединения Даниила с матерью. В 1212 г., после ухода короля обратно в Венгрию, обозленные на Даниила бояре подняли мятеж и посадили на галицком столе приглашенного ими князя пересопницкого Мстислава Ярославича Немого. Одновременно брат Даниила Василько потерял Бельз, который Лешко Краковский отдал опять Александру Всеволодовичу Волынскому. Польскому князю не нравились дружественные отношения Романовичей с венгерским королем.

Между тем боярин Владислав сумел найти общий язык с венграми и даже убедил короля Андрея дать ему войска, чтобы навести порядок в Галиче. Но боярин обманул короля. Изгнав в 1213 г. из Галича Мстислава Немого, он сам сел княжить в Галицкой земле, признавая, впрочем, как видно, верховную власть венгров. После повешения Игоревичей это было новое небывалое дело на Руси. *Вле*
рвые правителем русского княжества стал не князь, а боярин.

Русские князья (Мстислав Немой, Даниил и Василько, Александр Всеволодович) попытались выгнать Владислава, но не смогли взять Галич. По требованию Лешка Краковского Александр Всеволодович был вынужден выделить из своих владений

Романовичам два города — Ти-хомль и Перемышль.

Придя к выводу, что обстановка на Волыни установилась вполне подходящая, венгерский король Андрей и польский князь Лешко решили наконец прибрать к своим рукам оказавшееся в руках у боярина княжество. В 1214 г. их объединенные силы взяли Галич, а Владислав был посажен в темницу, где он вскоре и скончался. В Галиче князем поставили Коломана, сына Андрея Венгерского, которому было всего пять лет, обручив его предварительно с трехлетней дочерью Лешка. Кроме того, Лешко получил от венгерского короля Перемышль и Любачев. Владимир Волынский Лешко отдал Даниилу Романовичу, а Александра Всеволодовича заставил вернуться княжить в Бельз, чем, кстати, окончательно поссорил двоюродных братьев Александра и Даниила между собой. С этого времени Владимир Волынский окончательно утвердился за Даниилом и Васильком Романовичами и их потомками.

В годы третьего венгерского правления в Галиче начались гонения на православие и, по существу, была предпринята первая попытка церковной унии. Папа римский Иннокентий III даже даровал Коломану королевскую корону, и Галицкое княжество в первый раз стало *королевством*. Между тем в Галицкой земле начались народные выступления против венгров. Сбросить иноземное владычество оказалось проще потому, что спустя некоторое время Андрей и Лешко поссорились. Лешко в ответ предложил занять Галич новгородскому князю Мстиславу Мстиславичу Удалому. В 1215 г. М

стислав Удалой

(ум. 1228 г.) утвердился в Галиче.

В 1219 г. Галич опять занял королевич Коломан и Мстиславу пришлось покинуть город. Спустя некоторое время Мстислав при помощи половцев вновь занял Галич. Коломан попал в плен, но вскоре был отпущен Мстиславом к отцу в знак мира. Через несколько лет (в 1222 г.) с венграми удалось заключить мир.

Первое появление монголо-татар и сражение на Калке в 1223 г. заставило князей временно прекратить усобицы. Как известно, в организации похода русских князей навстречу татарам важную роль сыграл именно князь галицкий Мстислав Удалой.

В походе участвовали представители от всех волынских княжеств, среди них летописи особенно выделяют Даниила Романовича и Мстислава Ярославича Немого, ставшего к тому времени князем Луцким, который спас во время битвы Даниила, когда тот был

ранен и окружен врагами. Битва окончилась поражением русской стороны во многом по вине Мстислава Удалого, который, желая больше славы и поссорившись с другими князьями, начал сражение одними подчиненными ему силами. И Даниил, и оба Мстислава — Удалой и Луцкий — спаслись бегством за Днепр, после чего Мстислав Удалой, боясь татарской погони, велел уничтожить лодки, чем обрек на гибель других беглецов.

После ухода монголо-татар Даниил продолжал подчинять Волынь власти Романовичей. Так, Мстислав Ярославич Немой, умирая (1225 г.), поручил принадлежавшие ему Луцк и Чарто-рыйск, а также своего болезненного сына Ивана заботам Даниила Романовича. В 1227 г. Иван умер, и в 1228 г. Луцк с Чарто-рыйском после некоторой борьбы с другими родственниками Мстислава Немого и с пинскими князьями Даниил взял себе. В это же время в его руки перешла Пересопница. Луцк и Пере-сопницу он отдал брату своему Васильку, который владел также и Берестьем. Усиление Романовичей напугало Александра Всеволодовича Бельзского и Мстислава Мстиславича Удалого-Га-лицкого. Уже в 1225 г. они объединились, позвали на помощь половцев и киевского князя Владимира Рюриковича и начали войну с Романовичами. Даниил позвал на помощь поляков. Вскоре князья помирились, Мстислав во всем обвинил бельзского князя, владения которого Даниил сразу же и разорил.

Несмотря на примирение, галицкий князь боялся усилившегося владими́ро-во́лынско́го князя. Даниила боялись и галицкие бояре, не желавшие утверждения на галицком столе сына столь памятного им князя Романа. Бояре уговорили Мстислава выдать младшую дочь за венгерского королевича Андрея и дать ему в удел Перемышль. Мстиславу эта мысль показалась заманчивой, так как в венграх он думал найти опору и против Даниила, и против бояр. Но бояре стремились к другому — они хотели поменять Мстислава на венгерского королевича, о чем у них уже велись переговоры с его отцом, королем Андреем. Женившись на дочери Мстислава, утвердившись в Перемышле, пользуясь поддержкой галицких бояр и получив помощь из Польши, энергичный королевич попытался отобрать у тестя всю Галицкую Русь. Ему удалось захватить Теребовль, Тихомль, осадить неприступный Кременец. Но в 1226 г. Мстислав Удалой в решительном сражении разгромил силы своего младшего зятя.

И все же в 1227 г. Мстислав под давлением бояр вынужден был отдать королевичу Андрею Галич, а сам переехал в Торческ, где вскоре и умер в 1228 г. Желание галицких бояр поменять уступчивого Мстислава на уже не раз дискредитировавшую себя венгерскую власть, может показаться парадоксальным. Но галицки-ми боярами руководил страх перед Даниилом Романовичем. Перспектива оказаться в руках Даниила Романовича и потерять свои привилегии боярам казалась малопривлекательной. Поэтому они и решили передать свой город в руки иноземца,

надеясь контролировать юного королевича. Их ожидания во многом оправдались — при королевиче Андрее всеми делами в Галиче его именем заправлял уже упоминавшийся боярин Судислав.

И в этом случае вновь свое слово сказала «Земля», прекрасно помнившая, сколь плодотворным было ее сотрудничество с Романом Мстиславичем, отцом Даниила, обеспечившим Галицкой земле относительную стабильность. В 1229 г. в Галиче возобладала партия, преследующая интересы Даниила, во главе с тысяцким Демьяном. Город сдали Даниилу, причем королевич попал в плен, но был отпущен новым правителем Галича к отцу, вместе с боярином Судиславом. Попытка короля Андрея, совершившего вскоре поход на Галич, вернуть город сыну не имела успеха.

Таким образом, в 1229 г. Даниил Романович впервые объединил под своей властью и Галич, и Владимир Волынский. В дальнейшем Даниил Романович стремился следовать заветам отца и поддерживал тесные связи с галицким самоуправлением, что помогало ему сохранять контроль над княжеством.

Так, в 1231 г. именно тысяцкий Демьян разоблачил заговор, направленный против Даниила и в пользу Александра Всеволодовича Бельзско-го. Брат галицкого князя Василько Романович разгромил силы противника и захватил 28 бояр-заговорщиков, Александр бежал в Венгрию. Стремясь к поддержанию мира в княжестве, Даниил простил крамольников, но его великодушие не помогло.

Александр Всеволодович и еще один изгнанник — боярин Судислав — убедили венгерского короля Андрея совершить поход на Галицкую землю. В 1232 г. венгры взяли Перемышль, Ярослав. Среди бояр началась паника, и они сдали Галич венграм. Затем Андрей осадил Владимир Волынский, но взять этот хорошо укрепленный центр не смог, захватил Бельз, Червен и вернулся в Венгрию, посадив сына в Галиче, а Александра Всеволодовича в Бельзе. Вскоре война венгров с Даниилом продолжилась, она шла с переменным успехом, но успех все-таки начал клониться на русскую сторону. Решающее значение сыграло здесь то, что прочие русские князья испугались чрезмерного усиления венгров на Волыни. Даниил заключил союз с Владимиром Рюриковичем Киевским и ханом половецким Ко-тяном. Даже заклятый враг Романовичей, Александр Бельз-ский, перешел от королевича на их сторону. А в 1233 г. и большая часть галицких бояр вновь перешла на сторону Даниила, который занял все Галицкое княжество, раздал города боярам и воеводам (как видно, с этим условием они и призвали его, не надеясь получить того же от венгров) и осадил королевича с Судиславом в Галиче. Решающую роль в захвате Галича сыграла неожиданная смерть королевича. Изменник Александр Бельз-ский вскоре был захвачен в плен. Что с ним сделал Даниил неизвестно, но на страницах летописей он уже не появляется, а в 1234 г. Бельз перешел к Даниилу.

Вскоре Даниил вмешался в войну южнорусских князей за Киев и до 1239 г. ему приходилось то уходить из Галича, то вновь возвращаться в него. Причем опять Даниил пользовался поддержкой горожан. Именно они, в 1239 г., не считаясь с мнением бояр, впустили князя в ворота. Общему порыву пришлось подчиниться и боярам, они пали в ноги Даниилу, прося милости.

1239 г. — год решительного перелома в борьбе Даниила с галицкими боярами за право править во всей Галицко-Волынской земле.

В 1239 г. подошел к концу период, продолжавшийся почти сорок лет, когда реальными хозяевами Галича были бояре. Даниилу еще предстояла тяжелая борьба, однако княжение в Галиче стало для него естественным состоянием, а поражения в борьбе — эпизодическими и случайными. После этого могущество Даниила Романовича возросло настолько, что в 1240 г. он схватил княжившего в Киеве Ростислава Мстиславича, из рода смоленских Ростиславичей, и взял Киев себе. По существу, Даниил восстановил державу своего отца. Сам галицко-волын-ский князь, как и его отец, в Киеве не остался, а поручил его тысяцкому Дмитру, который и оборонял город от подступивших к нему монголо-татар.

Но в конечном итоге следует признать, что вопросов в истории Галицко-Волынского княжества XII — XIII вв. по-прежнему больше, чем ответов.

Литература

Андрияшев А. М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887.

Горский А. А. Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития. М., 1996.

Данилова Л. В. Новгородская феодальная республика // Очерки истории СССР. Период феодализма **IX-XVbb** . Ч. 1. М., 1953.

Дашкевич Н.П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873.

Зубрицкий Д. И. История древнего Галицко-Русского княжества. Т. 1 — 4. Львов, 1852 - 1855.

Иванов П. А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца **XIV** века. Одесса, 1895.

Ключевский В. О. Боярская Дума Древней Руси. Добрые люди Древней Руси. М., 1994.

Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись (источники, структура, жанровые и идейные особенности) // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М., 1997.

Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX— **XIII** вв. Киев, 1985.

Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества **X—XIII** вв. М., 1975.

Мартышин О. В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М., 1992.

Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.

Подвигина Л. Н. Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в **XII—XIII** вв. М., 1976.

Соловьеве. М. Сочинения. Кн. I—II. М., 1988.

Софроненко К. А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси X1-XIII вв. М., 1955.

Слово о полку Игореве / Подготовка текста, пер. Д.Слихачева, прим. О.В.Творогова // Повести Древней Руси **XI—XII** Века. Л., 1983.

Татищев В. Н. История Российская. Т. 2, 3. М., 1963, 1964.

Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XII вв. М., 1955.

Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Фроянов И. Я. Мятежный Новгород: Очерки истории государственности социальной и политической борьбы конца IX — начала XIII столетия. СПб., 1992.

Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. *Янин В. Л.* Новгородские акты **XII—XV**

ГЛАВА VII. Культура домонгольской Руси

Культура может быть объектом общественного интереса в разных планах: искусствоведческом и историческом. Искусствоведческий подход предполагает обычно повышенное внимание к форме произведения. Сравнительно в немногих (и, безусловно, лучших) исследованиях искусство тесно увязывается с социально-экономическим и социально-политическим содержанием эпохи. В свою очередь, исторический взгляд на явления культуры предполагает не простую фиксацию тех или иных явлений, а установление их места в оценке эпохи и в понимании исторического процесса. Иначе говоря, изучение памятников культуры должно иметь результатом познание исторической эпохи, что обычно и является задачей исторического исследования.

Культура любого народа складывается из традиций, унаследованных от предшественников, заимствований у соседей и собственного вклада поколений рассматриваемого времени. Как было отмечено выше, в рамках Древнерусского государства соединились несколько разных групп славян, разноэтничные русы и ассимилированные славянами восточноевропейские племена балтов, угро-финнов и ряда других племен, в основном иранского и тюркского происхождения. Традиционные широтные пути миграций — Волго-Балтийский и Днепро-Дунайский в IX в. пересеклись меридиональным — «из Варяг в Греки». В результате Среднее Поднепровье становится центром большого этногосударственного объединения, известного нам под названием Киевская Русь, а Киев станет одним из влиятельнейших в Восточной Европе центров культуры.

§ 1. ЯЗЫЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ. ДВОЕВЕРИЕ

В государстве, сложившемся на пути «из Варяг в Греки», наиболее развитыми в социальном и экономическом отношении были славянские племена, и славянский язык преобладал даже там, где славяне не составляли численного большинства. В Приднепровье славяне преобладали, по крайней мере, с эпохи бронзы (в том числе и в рамках иноязычных политических объединений), а с VI в. можно говорить и об определенной культурной преемственности в рамках формирующейся народности. И хотя сюда докатывались волны вторичных переселений (из Норика-Ругиланда в X в., из Прибалтики — славянизированные аланы-русы и «варяги» из славянских городов Южной Балтики), *в культуре Древнерусского государства преобладало славянское начало* и в социальном плане (территориальная община), и в собственно традиционно-культурном (верования, связанные с многовековыми формами взаимоотношений с природой).

Традиционные верования славян до принятия христианства принято называть «язычеством».

В данном случае необходимо помнить, что термин «язычество» имеет славянское происхождение (от «язык» — народ) и появился уже после принятия христианства, когда христианские проповедники стали называть «язычниками» все нехристианские политеистические культы. Основным смыслом язычества как религиозного культа заключается в объяснении отношений человека с природой. При этом отношения с природой не менялись веками, а потому многие дохристианские представления, верования и приметы сохранились вплоть до XX столетия. Христианство же выведет на первый план проблемы социальных отношений. И во все эти века христианство так или иначе будет сосуществовать с языческими верованиями, поскольку нельзя отменить ни отношения человека с природой, ни отношений между людьми.

У язычества были в почете *устные предания* об очень глубокой древности, а поэты-сказители пользовались большим, можно сказать международным, почитанием. Даже в конце XII в. *«Слово о полку Игореве»*

воспроизводило устную историю, опускаясь в глубину веков почти на тысячелетие (борьба славян с готами в Причерноморье в IV в.). Само «Слово о полку Игореве», по всей вероятности, вообще не записывалось до XIV в. (на это обстоятельство обратил внимание ленинградский филолог С.Н. Азбелев). Но точность передачи изначального звучания была весьма высокой. Показательно, что автор «Задонщины» в конце XIV

Автор: pavel
23.02.2020 11:00 -

столетия (когда могли быть уже и записанные тексты «Слова») буквально воспроизводил текст «Слова», часто не понимая его содержания. Так, рефрен «Слова» «О Русская земля, за шеломянем еси», где «шеломянь» — гряда холмов, отделявшая Русь от Степи, превратилась в нелепое «О Русская земля! Ты как за царем Соломоном побывала». А опытные воины «куряне», воспитанные с детства борьбой со степными набегами и потому «под трубами повиты, и под шеломами взлелеяны», у автора «Задонщины» оказались перенесенными в Литву, а глагол «повиты», т. е. «рождены», был прочитан как «поют».

В начале 60-х гг. XX в., в годы так называемой «оттепели», стали модными спекуляции на исторические темы. В 1963 г. А.А. Зимин сделал в Институте русской литературы (Пушкинский дом) доклад о подложности «Слова о полку Игореве». Идея эта была не нова. Ранее с ней выступал в Париже А. Мазон. Но после ряда критических выступлений в нашей печати и за рубежом (в особенности Р. Якобсона) скептики умолкли. В начале же 60-х гг. скептицизм коснулся разных сюжетов истории и культуры: зачеркивание начальных страниц летописи (Я.С. Лурье; ему же принадлежит предложение вычеркнуть из истории подвиг Ивана Сусанина как фальшивку монархистов), отрицание подлинности сведений в «Истории Российской» В.Н.Татищева (СЛ. Пештич), отрицание подлинности «Тмутараканского камня» (А.Л. Монгайт).

В 1964 г. концепция А.А. Зимина обсуждалась на заседании исторического и филологического отделов АН СССР. В число скептиков, наряду с названными, включились В.Б. Кобрин и, что было особенно удивительно, А.И. Клибанов, исследователь солидный и глубокий (изложение хода дискуссии дано в журнале «Вопросы истории». 1964. №9).

При том что подавляющее большинство и историков, и филологов весьма критически восприняли мнение А.А. Зимина, выявилось все-таки, что эпоху XII в., да и весь исторический процесс, большинство специалистов представляло довольно смутно. Одним из аргументов в пользу подложности «Слова о полку Игореве» было эмоциональное заключение, что этот памятник слишком «хорош» для XII в.; таковой не могли создать ранее XVIII в. На этот аргумент легко было реагировать словами А.С. Пушкина: никто из поэтов XVIII в. не способен был создать «плач Ярославны». Р. Якобсон, оценивая прошедшую дискуссию как бы со стороны, удивлялся «глухоте» скептиков к поэзии вообще, в результате чего шедевр сопоставлялся с примитивными виршами. Но констатация этого факта не решала вопроса о культурно-историческом содержании эпохи, отраженной в «Слове о полку Игореве». Другой аргумент скептиков — памятник слишком светский для XII в., поэтому он мог появиться только в XVIII в., когда культура освобождалась от религиозной оболочки (этот аргумент и показался убедительным А.И. Клибанову). В этом случае снова выявлялось слабое представление о

том, что же собой представлял в этом плане XII в. Третий аргумент — памятник слишком общерусский; таковой не мог появиться в феодально-раздробленной Руси XII в. Но ведь внутренняя страсть и боль «Слова о полку Игореве» — это призыв к преодолению усобиц (это заметил даже К. Маркс). Четвертый аргумент: памятник — «луч света в темном царстве»; он не вмещается в тесные и низкие рамки эпохи, слишком выделяется на фоне иных памятников того времени. В этом взгляде отразилось представление об историческом развитии как о непрерывном восхождении, а в конечном счете выявилось, что и сам исторический процесс часто понимается слишком упрощенно. В числе аргументов А.А. Зимина был и такой: в XII в. не могло быть призыва к образованию единого централизованного государства. Но у автора «Слова» такого призыва и нет — говорится о необходимости объединения сил Руси, а не об объединении территорий. Ответить же надо было по существу лишь на один, но очень большой вопрос: соответствует «Слово» XII в. или не соответствует? И для этого требовалось существенно углубить понимание домонгольского периода русской истории и культуры.

После выступления А.А. Зимина и полемики в ряде журналов (Вопросы литературы. 1967. №3. «История СССР». 1968. №6 и др., а также солидная публикация Р.Якобсона за рубежом) появились своеобразные «коррективы»: делались попытки вынести «Слово» в XVII в., а Л.Н. Гумилев сумел увидеть в поэме памфлет на Александра Невского. Поскольку Александр Невский в концепции Л.Н. Гумилева велик тем, что он был союзником монголо-татар, автор «Слова» по существу осуждался за его призыв к объединению разрозненных сил Руси. Эта странная концепция получила разгромный отклик в прекрасной статье Б.А. Рыбакова «О преодолении самообмана» (Вопросы истории. 1970. №3), причем об идеализации Л.Н. Гумилевым кочевников-степняков ученый предложил поговорить более обстоятельно с привлечением широкого круга специалистов и по Руси, и по Востоку.

Конечно, любые утверждения о подложности «Слова о полку Игореве» — это спекуляция. По сути дела, единственным итогом этой бессмысленной дискуссии можно признать тот факт, что многие специалисты плохо понимали специфику домонгольской эпохи и, в частности, XII в. Необходимо более полное и точное изучение истории домонгольской Руси — вот какую проблему обнажила эта дискуссия.

Позднее устная традиция будет сохраняться в сказках и былинах, и точности передачи текста уже не будет, поскольку они станут общеупотребительными. Переселения на новые места — с юга на север — неизбежно меняли и наполнение фольклорных традиций. Так, скажем, «Илья Муромлянин» (т. е. выходец из Моравии) станет «Ильей Муромцем».

Соответственно изменится и сфера его подвигов. Но важен один факт — суть былин в принципе сохранится: они всегда

*оборонительные,
а былинные герои
защищают свою землю,*

не нападая на другие народы. Видимо, этот факт свидетельствует о глубинных характеристиках культуры славянства, которое практически никогда не стремилось к завоеванию чужих земель. Для сравнения можно сказать, что в скандинавских сагах почитаются именно завоеватели, и подобный настрой не будет преодолен даже в христианское время.

Абсолютного счета лет язычество не знало: счет велся поколениями. «Абсолютный счет» — от Сотворения мира и Рождества Христова — привнесет христианство, но эти расчеты окажутся весьма разными в разных христианских общинах и трактовках (известно более двухсот христианских космических эр), и эти различия нередко помогают выявить культурные контакты в рамках преобладавшей в Европе и отчасти в Азии христианской традиции.

Славянство, базирующееся на территориальной общине, многие культурные традиции заимствовало у соседних народов. Так, известно, что славянство формировалось по соседству с Римской империей и многие элементы славянской культуры, в частности сама терминология, находят, как это отметил О.Н. Трубачев, аналогии именно на *Италийском полуострове*.

Например, именно в Северной Италии вплоть до XII в. сохранится лигурийский культ Купавона, практически тождественный славянскому культу Купалы. У славян, так же как и у латинян, изначально был десятичный счет.

Понимание фольклорно-языческих традиций затрудняется именно легкостью, с которой славяне вступали в тесные контакты с племенами иных языков и верований.

Византийские авторы VI—VII вв. обращают внимание на определенные различия, суть которых, будучи убежденными христианами, они не вполне осознавали. Известный византийский историк VI в. Прокопий Кессарийский дает описания верований славян, но по существу перед нами описание совершенно *разных* верований. «Они считают, — говорит он в одном месте, — что только один бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды». А затем отмечается, что «они почитают реки и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят и гадания». Следовательно, уже VI в. под именем

жили народы

разных этнокультурных традиций —

одни поклонялись некому единому «богу, творцу молний», другие сохраняли какие-то древние политеистические культы.

Еще более заметны различия в верованиях по описаниям позднейших авторов, особенно обильных в связи с процессом христианизации и колонизации германскими феодалами области междуречья Одера и Эльбы и затем Южного побережья Балтийского моря. Автор XII в. Гельмольд прямо отмечает, что у прибалтийских племен существовали разные верования: «Не все они придерживаются одних и тех же обычаев. Одни прикрывают невообразимые изваяния своих идолов храмами... у других божества населяют леса и рощи, как Прове (или Проне, видимо, Перун. — А.К.), бог Альденбургской земли, — они не имеют никаких идолов... среди многообразных божеств...они признают и единого бога, господствующего над другими в небесах... и что они от крови его происходят и каждый из них тем важнее, чем ближе он стоит к этому виду богов».

Из этих описаний следует, что за славян разные авторы принимали и собственно славян, и разные славянизированные племена, которых много было и на Дунайско-Днепровском, и на Волго-Балтийском путях, как и во многих других областях Восточной и Центральной Европы. Эти верования продолжали сохраняться и после многих веков, когда ассимилированные племена уже и забыли о своих давних истоках.

Наличие различных верований у славян и, что особенно важно, у прибалтийских славян важно прежде всего для осмысления культурных различий между «*славянским*» и собственно «*русским*».

Чаще всего их смешивают в нечто единое. Но, как было отмечено выше, даже собственно «руссов» было несколько видов, и хотя они относились к одной группе индоевропейских племен, верования у них так или иначе отличались. В договорах с Византией Олега и Игоря упоминаются лишь два божества:

Перун для дружины

и

Велес для купцов.

Из пантеона Владимира Велес исчез, но идол Велеса был установлен на Подоле в Киеве, а в «Слове о полку Игореве» Велес выйдет на первый план как покровитель поэзии, тогда как Перун в «Слове» не упоминается вовсе. Видимо, Перун имел своими корнями именно

«*русское*»

происхождение, а Велес, наоборот, был *традиционным славянским богом.*

Кроме того, многие языческие божества, известные нам по древнерусским текстам, находят параллели либо в индоарийском, либо в иранском языках. Само слово «бог» идет из этих языков, и остается вопросом, было ли оно изначально у славян и почитали ли они тех богов, которые записаны в летописях и других памятниках той поры. Так, боги

Хоре

и

Семаргл

из «пантеона Владимира» имеют явное

иранское

происхождение и связаны они с какими-то иранскими народами, славянизированные потомки которых продолжали жить в Приднепровье. Возможно, это были те самые русы-аланы, наследники Росского каганата.

И в этой связи также важно учитывать особенности верований, связанных с процессом ассимиляции многих племен славянами. Константин Багрянородный в середине X в. рассказывал о *культе дуба у русов* (именно русов, а не славян!). На острове Хор-тица у огромного дуба купцы и воины русов приносили в жертву кур, а также кусочки хлеба и мяса. Поклонение дубовым рощам было знакомо многим индоевропейским народам. Особое место оно занимало, в частности, у кельтов, где жрецы-друиды прямо увязывались с дубовыми рощами (откуда и название друиды). У кельтов и многие имена связывались с культом тех или иных деревьев (имя «Ивор», весьма распространенное в Прибалтике, — это кельтское обозначение клена-явора). А вот жертвоприношения курами — это, возможно, уже следствие славянизации русов Приднепровья. Кур приносили в жертву воины Святослава, знаменитая дань Ольги с древлян по три воробья и по три голубя, согласно «Летописцу Переяславля Суздальского», мотивировалась необходимостью «дати богом жертву».

Разные формы жертвоприношений могли быть связаны и с тотемическими представлениями. Часто именно такое происхождение имели и названия самих славянских племен: вильцы (лютичи) — волки, ререги — соколы и др. Символом сокола, по предположению ряда авторов, являлся и так называемый «знак Рюриковичей». Но не исключено, что здесь некоторые совпадения могут быть уже вторичными, воспринятыми вместе с ассимилированными племенами. Так, характерный для Верхнего Поволжья *культ медведя*, восходит к местным *угро-финским* племенам (в северных районах отмечается культ оленя). Но интересно, что за многими славянскими племенами сохранялось название по занимаемой территории — древляне, дреговичи, те же поморяне, причем эти названия часто повторяются в разных областях Европы.

Очень часто славянскому язычеству, помимо *культа природы*, приписывается также *культ предков*.

Между тем наличие культа предков чаще всего свидетельствует о смешении славянского и неславянского, но уже славяноязычного.

Культ генеалогий обычно характерен для племен с кровнородственной семьей и кровнородственной общиной.

В начале XII в. рутены (т. е. русы)

Южного берега Балтики проповедникам христианства «много рассказывали о своем происхождении». Речь, видимо, шла о реальных переселениях из Малой Азии или из южнорусских степей. Но подобные предания обычно служили для обоснования степени знатности того или иного «русского» рода. *У славян же ни культа предков, ни генеалогических преданий не было,*

что было связано с исходным характером их общины и семьи. Летописец сообщает, что славяне имели по 3—4 жены, а это предполагает связь детей с матерями, а не с отцом, и последующие события показали, насколько в отношениях между братьями мало было проявлений братских чувств. Но вот *общинные связи при этом были довольно жесткими, а требования обязательными к исполнению.*

Только в поздних польских и чешских преданиях появятся легенды о братьях Чехе, Лехе и Русе, от которых пойдут три племени, а славянской прародиной будет объявлена Панно-ния. Но это уже легендарно-генеалогические осмысления, характерные для Европы в целом.

В литературе, начиная с XIX столетия, много говорится о «двоеверии» — сосуществовании языческих традиций с утвердившимся христианством. «Двоеверие» ведет свою историю с первых веков христианизации. И одно из его проявлений — своеобразное пересечение языческих и христианских праздников: в одних случаях язычество приспособляется к новым, христианским праздникам, в других — наоборот, христианство идет навстречу язычникам, сохраняя не только даты праздничных дней, но и связанные с ними обряды. Одним из подобных примеров может служить всем известная Масленица.

Выше отмечалось, что христианство на Русь проникало в разное время и разными путями, и на ранних этапах явно отличалось от византийского, в частности гораздо большей терпимостью к языческим верованиям. Поэтому взаимопроникновение празднеств само по себе явление почти уникальное. Крестьянство особенно легко восприняло культы Ильи-пророка, Георгия Победоносца, Николая Мирликийского (Чудотворца). Церковь в честь Ильи была на Руси еще в середине X в., и появилась она в Киеве, очевидно, с приходом христиан-переселенцев из Моравии. Возможно, уже тогда культ Ильи и Перуна взаимно соответствовали в дружине Игоря, и постепенно Илья стал восприниматься как громовержец. И для крестьянина «Ильин день» (2

Автор: pavel
23.02.2020 11:00 -

августа) — это не столько праздник, сколько опасение, как бы не обидеть сурового святого. Этим днем в северной Владимирской Руси обычно заканчивали и летний купальный сезон.

Весенний праздник *Георгия (Егория, Юрия) Победоносца* приходится на время посевной: 23 апреля (6 мая). В этой связи в ход идет примета: «На Егория мороз — сей овес, на Егория роса — сей проса». Здесь прямая и непосредственная связь с природой, и Георгий на Руси стали почитать как покровителя земледелия и скотоводства, хотя изначально Георгий почитался как покровитель воинства, в том числе и самих князей. «Осенний Георгий» отмечается 26 ноября, и вошел в народную память как «Юрьев день». Сам культ Георгия Победоносца стал особенно внедряться с середины XI в., ибо именем Георгий был крещен Ярослав Мудрый, который многое сделал для утверждения почитания своего небесного покровителя.

Культ Николая Мирликийского пришел на Русь сравнительно поздно: лишь в конце XI в. Этот культ имел западное происхождение и был связан с установлением на Западе празднования Николая в связи с перенесением мощей святого в южно-итальянский город Бари. На Руси этот праздник стал известен как «Никола Вешний» — 9 (22) мая. Причем в Византии «Николу Вешнего» не признали, ибо праздник был установлен в честь того, что норманны выкрали мощи святого из пределов Византийской империи. Но на Руси Николай Мирликийский очень скоро получил широкую репутацию заступника обиженных, страдающих. Формула «спаси Никола Угодник» получила распространение во всех сословиях. Николу посвящались два праздника и соответственно приметы. «Никола Вешний» — это Никола с кормом, т. е. для скота созрели травы, и это заслуга святого. «Никола Зимний» отмечался 6 (19) декабря — «Никола реки за-гвоздил морозом», следовательно, можно переправиться за тем же кормом за реку.

Самыми же популярными на Руси были *Богородичные праздники*, посвященные Божией Матери. Непосредственным предшественником этого почитания является культ *Параскевы-Пятницы*, где «Параскева» (Прасковья), очевидно, дополнение уже христианского времени, а в более раннем варианте вероятно связь с *Мокошью* — одним из божеств «пантеона Владимира», хотя это, возможно, тоже лишь этап или вариант развития *культа Пятницы*.

Дохристианский славянский культ самой «пятницы» как дня недели держался долго и

имел определенную антихристианскую направленность. Особо почиталось 12 пятниц в году, с которых начинался каждый месяц. У славян была пятидневная неделя, в которой пятница и «неделя» совпадали. Пятница, или «неделя», — это день, когда ничего делать не полагалось, кроме женских работ-развлечений: вышивки, вязания где-нибудь на «посиделках». Кстати, в обозначении дней недели до сих пор сохранилась именно эта глубокой древности традиция: после недели — понедельник, затем вторник, среда — срединный день пятидневки, четвертый день, пятый — он же «неделя». Иудейская суббота («шаббат») и христианское воскресенье были привнесены в традиционный славянский календарь уже после принятия христианства. «Пятница» воспевалась в притчах в течение многих веков. Пятница — и пряха и защитница всего, что связано с женским трудом. А день пятницы долго держался как торговый день. И известная шутка «семь пятниц на неделе» уходит в ту же глубокую старину, предполагая безделье и как бы выпадание из общинного коллектива.

Культ Богородицы характерен для древнерусского общества в целом именно потому, что восходил он через Параскеву-Пятницу к древним земледельческим культам, где «мать сыра земля» занимала первостепенное место, и недаром именно Богородице посвящались на Руси многие храмы. И когда при Ярославе под влиянием Константинополя стали строить храмы в честь «Софии Премудрости Божией», на Руси даже и не осознали, что греческая «София» — это «мудрость Христа». На Руси почти изначально «София» воспринималась как женское существо и отождествлялась с Богородицей.

В народной среде действительное содержание культов христианских святых редко осознавалось. Все знали, что 14 марта — это день Евдокии, и с этим днем связывалась масса примет: «Каковы Евдокий, таковы и весна», «на Евдокий курица воды не напьется — в апреле конь травы не наестся» и т.п. Но ни у кого не возникал вопрос, а кто же это такая Евдокия и чем она примечательна? (В святцах это мученица, пострадавшая за веру во II в.) До сих пор на селе весьма почитаем день 22 марта, в быту именуемый «жаворонками» — прилет жаворонков: «Принесите нам весну-красну, лето теплое, с сохой, бороной и кобылой вороной». В христианской традиции это праздник в честь сорока святых мучеников. Но крестьяне осмысливали упоминание числа «сорок» как предупреждение о предстоящих еще сорока морозах.

Как было отмечено, и языческие праздники приспособлялись для отправления христианских культов. В особенности это проявлялось, конечно, в деятельности местного, а не пришлого (византийского) духовенства. Это выразилось, в частности, в создании *культы русских святых — Бориса и Глеба*. Культ создавался в 70-е гг. XI столетия при явном скептицизме митрополита-грека, тем более что вся связанная с ними история носила чисто политический характер. В итоге днем их памяти стало не время

гибели того и другого, как принято в житиях, а время «перенесения останков», которое было приурочено к языческому празднику «первых ростков» — 2 мая. Здесь возможна даже и определенная символика: традиционный праздник «первых ростков» и первых же собственно русских святых.

Подобные наложения распространялись и на многие другие празднества. Традиционно к языческим относились *коляды*, а также *святки*. Приуроченные по времени к празднику Рождества Христова, они воспроизводили неизменные языческие формы реализации празднества, что впоследствии нередко вызывало серьезные претензии со стороны церкви. Коляды, или календы, не были чисто славянским явлением и были довольно широко распространены у ряда индоевропейских народов. Наиболее вероятное объяснение самого слова — «круглая еда», «братчина», и этим своеобразным празднеством открывался первый день каждого месяца. В таком качестве этот праздник сохранялся еще в XVI столетии. В «Стоглаве» — одном из важнейших документов середины XVI столетия — осуждаются «ка-ланды... еже есть первый день коегождо месяца, но паче же марта месяца, празднование велие торжественно сотворяюще, играня много содевашеся по еллинскому обычаю» (так обозначалось язычество. — А.К.).

Осуждает «Стоглав» прежде всего «женская в народех плясания, срамна суши». При этом особо оговаривается, что посмотреть на пляски у костров (а может быть, и поучаствовать в них) любили и иные клирики, за что им грозило отлучение. В итоге же «коляды» как понятие все-таки сохранились и празднуются до сих пор в Рождественские праздники.

В раннем русском христианстве к *игрищам* и *веселиям* относились терпимо. И тогдашняя Русская Церковь не требовала отказа от народных традиций, ведь считалось, что спасение души обеспечивалось добрыми делами, а не только строгим соблюдением обрядности. В этом положении ничего не могли изменить и первые византийские митрополиты, с которыми князья не очень считались. Сама же эта проблема — участие христиан в игрищах — обозначилась впервые во второй половине XI в. в рассказе о посещениях игуменом Киево-Печерского монастыря Феодосием Печерским князя Святослава: когда бы не навестил князя Феодосии, у князя гремела музыка и звучали песни. Феодосии, воспитанный в византийской традиции, с укоризной садился на краю скамьи, и князь на время его присутствия останавливал музыкантов.

Картина будет подобной и в следующих столетиях. Такого рода запреты не принимали князья и их дружины, и тем более не принимали простые поселяне, участвовавшие в «игрищах между селами» и сознававшие, что «никто не спляшет так, как скоморох». От Средневековья сохранилось «Слово», в котором говорится о дне «недели». В данном случае это было, очевидно, воскресенье, но предполагались обычаи недели-пятницы.

Горожане не хотят идти в храм, «но аще плясцы или чудци, или ин кто игрецъ позоветь на игрище или на какое зборище идольское — то все тамо текут, радуясь..., позоры дея на пагубу душам». Зрителей не пугали ни дожди, ни ветры, ни то, что все шло под открытым небом, — все равно радовались.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.